

ЕВГРАФ ДУЛУМАН

*Почему
я*

перестал

верить

В БОГА

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ

ЕВГРАФ ДУЛУМАН

*Почему
я*

перестал

верить

В БОГА

*Рассказ
бывшего кандидата богословия*

ИЗДАТЕЛЬСТВО ЦК ВЛКСМ
„МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ“
1957

Автор этой книги Евграф Дулуман прежде был глубоко религиозным человеком. Его брошюра — это рассказ о том, как постепенно, после мучительных сомнений и поисков, он разочаровался в религии, перестал верить в бога, стал убежденным атеистом.

ЛЕКЦИЯ В КОЛХОЗЕ

Года два назад в летнюю пору я выступал с лекцией в колхозе имени Татарбунарского восстания на Одессщине. В обеденный перерыв колхозники собрались у силосорезки. Слушатели устроились поудобнее на сваленных у самых силосных ям кучах зеленой массы.

Среди присутствующих было много верующих: баптистов и православных христиан. И, конечно, название лекции — «В чем вред религии» — не очень обрадовало их. Начало лекции они встретили настороженно, а через несколько минут послышались язвительные замечания в мой адрес: «Еще молокосос, чтобы учить нас!», «А видел ли он библию хоть издавека?», «Да он не сможет отличить богородицу от святой троицы...»

Скрепя сердце приходилось эти реплики пропускать мимо ушей. Но они произносились все громче. Мог вспыхнуть ненужный спор. Разговоры, появившиеся как незаметный журчащий ручеек, ширились и могли превратиться в бурный поток, отгораживающий лектора от слушателей. Надо было искать выход.

Неподалеку от меня лежала большая ветка клена. Я поднял ее и обратился к колхозникам с вопросом:

— Что это такое, товарищи?

— Клен, — нехотя ответили голоса.

— Да, клен, дерево, — подтвердил я. — А это? —

Я поднял лежащий у ног кустик сурепки.

— Бурьян, сурепка, — последовал ответ.

— Среди вас, — продолжал я, — много верующих.

Думаю, что все они легко отличают сурепку от клена, кустик однолетнего растения от дерева. Многие из вас вчера были в церкви...

Недовольная часть слушателей, рассеянно внимавшая моему повествованию, подняла головы. «Куда это ты гнешь?» — так и читал я по их недоуменным, но уже заинтересованным лицам.

— Как вы помните, — увереннее заговорил я снова, — в церкви читали из евангелия известную каждому верующему притчу о зерне горчичном, в которой Христос уподобляет царство божие горчичному зерну.

— Вроде бы вы там были, товарищ лектор, — не то с ехидством, не то с одобрением бросил реплику сидящий ближе всех старичок с лукавыми смеющимися глазами. На него зашикали. А я, приободренный, продолжал:

— Для верующих библия, евангелие — святы книги; все, что сказано там, якобы является несомненной правдой, глубокой мудростью. Христос, по их убеждению, — всеведущий и всезнающий бог. Но если бы они поближе познакомились с Христом, — пусть даже с таким, каким его описывает библия, то они легко увидели бы, что сплошь и рядом верующие в непогрешимость Христа оказываются намного умнее своего бога.

Теперь я видел, что присутствующие хотя и с недоверием, но внимательно слушали меня.

— Можно не сомневаться, что все из вас, — продолжал я, — безошибочно отличают дерево от сорной травы. А вот Христу это было не под силу. В самом деле: ведь в притче о горчичном зерне он умудряется в одном предложении сделать три грубейшие ошибки. Христос говорит, вы это слышали вчера в церкви: «Зерно горчичное есть меньшее из всех семян на земле, но когда вырастет, становится деревом, так что прилетают птицы и укрываются в ветвях его»*. Давайте разберем ошибки Христа. Первая ошибка Иисуса: зерно горчицы не является самым маленьким на земле.

* Евангелие от Марка, гл. 4, стих 30—31; Евангелие от Матфея, гл. 13, стих 31—32.

Даже зерно мака в несколько раз меньше зерна горчицы. А зерна таких растений, как повилыка, омела, и того меньше. Вторая ошибка Христа: горчица совсем не дерево, а однолетнее растение. Она, как известная здесь всем сурепка, принадлежит к семейству крестоцветных. И, наконец, третья ошибка «сына божьего»: горчица совсем маленькое растение (до 50 см) и, конечно, укрыться в «ветвях его» никакие птицы не могут. Вот какими нелепостями засоряет сознание верующих так называемое священное писание!

— Почему же в евангелиях так много подобных несообразностей? — продолжал я. — Да только потому, что Иисуса Христа никогда не было. Он — вымышленная личность. Евангельские рассказы, так много раз повторяемые церковниками, настолько же доказывают существование Христа, насколько сказки доказывают существование жар-птицы, конька-горбунка или ковра-самолета. Много нелепостей в евангелиях встречается еще и потому, что сочинители сказок о Христе, — а таковых было очень много, — сами были невежественными людьми. Какие сочинители, такие и сочинения!

Я привел еще ряд подобных примеров из учения религии. Колхозники задавали множество волновавших их вопросов. Постепенно лекция перешла в беседу, а затем в открытый душевный разговор. Я превращался то в слушателя, то в рассказчика. И если бы не хозяйский глаз председателя колхоза Василия Захаровича Тура, наш разговор, возможно, продолжался бы до вечера.

И все же после лекции колхозники не расходились. Снова посыпались вопросы, только уже в иной, дружеской форме. Всех интересовало: кто я? где живу? кто мои родители?

— Откуда вы, товарищ лектор, так хорошо знаете религию, библию? — спрашивали они. — Почему вы читаете лекции именно о религии, а не о чем-нибудь другом?

Подобные вопросы часто задают мне там, где я читаю лекции. В марте 1957 года в «Комсомольской правде» была опубликована моя статья «Как я стал

атеистом». Много я получил от читателей писем. Письма шли со всех концов страны, писали их разные люди: атеисты и верующие, друзья-единомышленники и идейные противники. Больше всего писем было от молодых людей, комсомольцев, от настоящих и верных моих друзей.

Пусть же эта маленькая книжечка — моя исповедь — будет ответом на многочисленные письма друзей и недругов.

ДО ШЕСТНАДЦАТИ ЛЕТ

Мое воспитание до шестнадцати лет ничем не отличалось от воспитания сотен и тысяч моих сверстников. Родители мои не были воинствующими безбожниками, однако мой отец, передовой колхозник, считал зазорным иметь что-либо общее с религией. Ни отец, ни мать в церковь не ходили, но по принятому обычаю иконы в нашем доме находились.

Во время церковного праздника мать могла приготовить особенно вкусные вещи. Тогда к нам приходили знакомые и соседи, и в доме можно было услышать рассказы о «событиях», связанных с данным религиозным торжеством. Помню, однажды отец очень подробно рассказывал о том, как евангельский Пилат выступал перед евреями, предлагая им распять заключенного в тюрьму разбойника Варавву вместо безвинного Иисуса Христа...

Распяли почему-то Христа, а Варавву выпустили на волю.

Я не мог тогда уловить, да и сейчас не могу твердо сказать, говорил отец это всерьез или с иронией. Помню только, что дядя Володя, младший брат отца, сразу же рассказал нам широко известный анекдот: пойманного на воровстве лошадей кузнеца крестьяне решили повесить. Вдруг откуда ни возьмись на сходке появился цыган: «Стойте, братцы, — закричал он, — не вешайте кузнеца! Ведь он у вас в селе один... Что вы будете делать без кузнеца? Зато у вас есть четыре бондаря. Одного из них давайте и повесим».

Повесили безвинного бондаря, а кузнеца, по совету цыгана, отпустили...

За праздничным столом я старательно читал антицерковные стихи Демьяна Бедного, украинского поэта Степана Руданского и других.

К попам мы, сельские ребята, относились критически и при встрече, если не было рядом старших, охотно «угощали» их стишками или песенками такого рода. Мы строились в колонну и, маршируя мимо попа, громко скандировали:

Долой, долой монахов!
Долой, долой попов!
На небо мы залезем —
Разгоним всех богов!

Придумывали мы и кое-что другое. Правда, все наши проделки были всего лишь мальчишеством. И, конечно, никаких серьезных атеистических убеждений у нас не было. Мы «отбрасывали» религию с порога, без доказательств.

Дети (в этом я убедился гораздо позже) с большим удовольствием внимают разоблачению религии, чем агитации за нее. В связи с этим мне хочется, забегая несколько вперед, рассказать об одном случае.

Произошло это в марте 1955 года в селе Селивановка Ананьевского района на Одессчине. В маленьком клубе было полным-полно народу. Перед началом лекции я, как обычно, попросил, чтобы дети покинули помещение. Но один двенадцатилетний мальчуган, ученик местной школы, сумел спрятаться среди клубного реквизита и прослушать всю полтора часовую лекцию.

После лекции меня и секретаря райкома комсомола Мишу Спектора отвели на квартиру. Хозяева встретили нас радушно.

— Кто из вас читал лекцию в клубе? — задала вопрос хозяйка.

— Я. А что? Может быть, вы безбожников и на порог не пускаете?

— Нет, не то... Я ведь не была на вашей лекции, — продолжала хозяйка, — на ферме задержалась. Воз-

вращаюсь домой, и вдруг перед самым вашим приходом открывается дверь, вбегает мой Василек и, не переводя дыхания, спрашивает:

— Мама! Правда ли, что у нас раньше поп освящал поля?

— Правда, сынок, — отвечаю.

— Ну и что? — допытывался он. — Родило после этого?

— Как когда, — говорю ему, — бывало, что и родило...

Ох, как и накинулся он на меня.

— И ты тоже, — говорит, — находишься под влиянием религиозных предрассудков? А еще передовая доярка!..

На другой день «клубный заяц» провожал нас. Мы долго с ним говорили. Расстались далеко за околицей. Прощаясь с ним, я подумал: «Как хорошо, что у меня есть вот такие соратники-атеисты...» С тех пор дети на моих лекциях — полноправные слушатели, наравне со взрослыми.

...Когда отец уходил на фронт, я заканчивал седьмой класс. На прощанье он сказал мне: «Я в десять лет, когда умер твой дед, уже начал батрачить. Тебе двенадцать лет. Пока я вернусь, ты должен заменить меня и в колхозе и дома. Будь хозяином. Колхоз поддерживает вас, тебе будет легче, чем мне когда-то... Я скоро вернусь, вот только разобьем фашистов...»

Это был, пожалуй, единственный раз, когда мой отец не сдержал данного слова: он не вернулся с войны... Я поневоле надолго возглавил семью, а к учебе мог вернуться только в 1944 году, когда наши войска освободили Одессину. Чтобы свести концы с концами, мать приняла в полупустующий дом квартирантов — семью сельского священника.

„AUDIATUR ET ALTERA PARS“

(„Выслушать и другую половину“)

Я учился в Любашевской школе, что в тринадцати километрах от нашего села, и домой приходил только по воскресеньям. Мои встречи с отцом Алексеем были

неизбежны, как неизбежны стали и наши разговоры, а позднее и диспуты. Я, конечно, был убежден, что в споре на религиозные темы буду победителем, даже смогу переубедить его...

Но мой собеседник, отец Алексей, был весьма грамотным и опытным человеком. Я не мог ему ничего доказать, а он буквально разгромил мои правильные, но не подкрепленные опытом и вескими аргументами доводы. Исполдволь, незаметно он заставил меня начать сомневаться в атеизме. Но если бы кто-нибудь в это время сказал мне, что я попал под влияние церкви, я бы расхохотался...

Прежде всего меня поразило то, что некоторые из великих ученых верили в бога. Отцу Алексею нетрудно было доказать мне, ссылаясь на книги, что Паскаль был истым католиком; великий Ньютон, произнося слово «бог», снимал шляпу, писал проповеди на библейские темы.

Для нас же, школьников, любой великий ученый был авторитетом во всех областях. Об ошибках ученых мы знаем мало. В сокровищнице науки хранятся ведь не ошибки, а достижения того или иного ученого. Человек велик своими взлетами, а не падениями! И мы порой думаем, что если ученый делает великие открытия, например, в физике или химии, то и во всех других областях знаний он всеведущ.

Только значительно позже я понял, что религия противоположна не какая-то отдельная наука, а все науки, вместе взятые, в их совокупности. Поскольку религия — это прежде всего определенное мировоззрение, то прямую и полную противоположность ей нужно искать также в области мировоззрения, в области философии. Религия — наиболее ложное, фантастическое, превратное восприятие человеком окружающей действительности.

Прямой противоположностью ей является правильное учение, правильное мировоззрение — диалектический материализм.

И если тот или иной ученый двигает науку вперед и продолжает верить в бога, то о нем можно сказать: как ученый — он гигант, гений; но как мыслитель,

философ — карлик. Ведь он только потому и является ученым, что в своей науке, на деле не признает никаких сверхъестественных сил: богов, чертей, духов, чудес. Так, для верующего медика бог может быть везде — в астрономии, химии и так далее, — только не в медицине. Набожный астроном изгоняет бога из вселенной, психолог — из человека, экономист — из общественной жизни.

Такие ученые, по образному выражению Владимира Ильича Ленина, движутся к марксизму задом. Глаза их обращены к богу, а своей научной работой они, по сути, отходят подальше от бога, лишняя раз доказывая, что бога нет.

Все это я понял гораздо позже. Но в то время по своим «аргументами» побудил меня усомниться в правильности материализма. Мне же казалось, что я сам, самостоятельно, стал сомневаться. А появившиеся сомнения (тогда я этого не понимал) вели меня прямо к религии.

Религиозная вера незаметно вползает в человека. Он попадает под ее влияние, обычно не замечая этого процесса. Он осознает это лишь тогда, когда окончательно оказывается в плену религиозного дурмана: начинает верить в богов, в загробный мир, в «страшный суд» и т. п. Сектанты, например, в таком «внезапном» появлении у человека религиозной веры видят проявление сверхъестественной силы — «чудо посещения богом человека».

— А чем же, как не чудом, — говорил мне баптист В., студент Одесского автодорожного техникума — можно объяснить то, что из неверующего я вдруг стал верующим...

Такие люди не хотят, а иногда не могут видеть в перемене своих взглядов и убеждений, выражаясь библейским языком, «дело рук человеческих».

Тяжелые материальные условия не позволили мне продолжать учебу после восьмого класса. А мне очень хотелось учиться! Подобно большинству юношей моего возраста, стоящих у порога самостоятельной жизни, я много думал о цели своего существования. Мне страстно хотелось, чтобы каждое движение в моей

жизни имело смысл, мне хотелось по-настоящему жить, а не «небо коптить»...

— Похвально, — говорил мне отец Алексей, — что ты ищешь смысл жизни. Только разные люди видят его в разном. Надо знать, чему посвятить жизнь, а для этого прежде всего требуется знать истину. Тебе необходимо, следовательно, решить в конце концов основной вопрос: кто прав, — религия ли, утверждающая существование бога, или материализм, отвергающий его...

И осторожно подсказал мне путь решения вопроса:

— Для того чтобы познать истину, надо подходить к ней не с одной, а с разных сторон. Во время споров, судебных разбирательств древние римляне для выяснения истины всегда требовали *Audiatur et altera pars* — «выслушать и другую половину». А ты ведь о боге, о религии знаешь только с одной стороны: знаешь, что говорят тебе об этом безбожники. Поступай в духовную семинарию. Там ты послушаешь защитников бога, а рассуждения об этом предмете материалистов тебе всегда доступны. Взвесишь и выберешь...

«Духовная семинария? Ого! А впрочем, чему там учат? Интересно...» Я ведь действительно хочу учиться.

И осенью 1945 года, семнадцати лет от роду, тайком от друзей и знакомых, я поступил в Одесскую духовную семинарию. Помогли мне при этом не соответствующие действительности справки священника о моей «глубокой» религиозности.

Я не думаю взваливать всю вину за мои решения на церковника. Я сам виноват в случившемся. С первых же дней сближения с попом мне надо было бить в набат, кричать «караул!», поделиться своими сомнениями с учителями, комсомолом... Но, к сожалению, у некоторой части нашей молодежи (так было и у меня) при неудачных для нее столкновениях с религией наблюдается некоторый ложный стыд. Юноша или девушка иногда боятся рассказать о своих сомнениях, чтобы не выдать колебаний, стыдятся своего неумения противостоять религиозному влиянию. А чего стыдиться? Нельзя забывать, что религия имеет вековые тра-

диции и опыт. Она располагает арсеналом средств воздействия на сознание и чувства людей. Особенно опасно влияние церкви тогда, когда юноша или девушка в поисках истины охвачены сомнениями.

Почему не позвать на помощь коллектив? Ведь упавший с корабля, будь он даже превосходным пловцом, не стесняется просить о помощи, иначе его ожидает гибель! Но и коллектив должен зорко следить, не отмахиваться от, казалось бы, наивных вопросов попадающего под влияние религии. Нельзя отдавать ни одного члена коллектива в жертву религии, секте, кликушеству!

Я БЫЛ ГЛУБОКО РЕЛИГИОЗНЫМ

И вот я в семинарии... Без преувеличения могу сказать, что первое знакомство с церковной средой произвело на меня такое впечатление, будто я перешел из XX века в средневековье. Каким диким и неестественным казалось мне в первые дни целование икон, длинные полунощные моления, посты, поклоны, причащение (поедание) тела и крови бога под видом хлеба и вина... Вначале у меня так и вертелось на языке: «Да бросьте вы шутить... Давайте серьезно!» Но по глазам многих я читал, что они и не собираются шутить, что все эти обряды для них серьезнее действительности.

Скоро я убедился, насколько пагубно воздействует такая система на психику, на сознание человека. Практика религиозной жизни куда действенней любой словесной пропаганды! При помощи проповеди церковники в конечном счете стремятся только воздействовать на разум человека, убедить его в истинности религиозных верований. Практика же — через церковные обряды, обстановку, особые приемы — направлена на то, чтобы подавить все здоровое в человеке, разбередить в нем темные чувства, на которых, собственно говоря, и держится религия. Погасить окончательно разум и усилить поток мутных чувств и образов — вот чего добивается практика религиоз-

ной жизни. Отсюда понятными становятся слова церковников: «Дух божий действует на человека изнутри и притом в малосознательной области души»*.

Алексей Максимович Горький о роли религиозной практики говорил так: «Церковность действовала на людей подобно туману и угару. Праздники, крестные ходы, «чудотворные» иконы, крестины, свадьбы, похороны и все, чем влияла церковь на воображение людей, чем она пьянила разум, — все это играло более значительную роль в процессе «угашения разума», в деле борьбы с критической мыслью, — играло большую роль, чем принято думать».

До какой степени может угаснуть разум у верующего, свидетельствует хотя бы такой пример.

На одном из молитвенных собраний в Нью-Йорке выступал его участник. Он говорил буквально следующее:

— Братья, я чувствую — я чувствую — я чувствую, что я чувствую! Я не могу сказать вам, что я чувствую, но — О! — Я чувствую... Я чувствую!**.

Конечно, доведя человека до состояния, которое он выражает восклицанием «О! — Я чувствую!» — церковь может оставаться уверенной, что он не так легко вырвется из религиозного угара.

А где этого угара нет, там не будет и религии. У таких, например, сектантов, как пятидесятники***, во время молений практикуются «чудеса» говорения на незнакомом иностранном языке. Во время громких молитв, общего плача и завывания с некоторыми сектантами (иногда — в самом деле, а иногда — мнимо) случаются истерические припадки. И вот тут-то сектант зачастую издает нечленораздельные звуки. Это бормотание выдается за говорение на иностранном языке.

Как-то после сектантского собрания мне довелось разговаривать с молодым пятидесятником Д.

* «Журнал Московской патриархии», 1954 г., № 7, стр. 30.

** Сборник «Вопросы истории религии и атеизма», т. IV, стр. 32.

*** Пятидесятники — сектанты, называющие себя «христианами евангельской веры», в народе их называют «трясунами».

— На каком языке говорит ваш брат, когда на него снисходит дух святой? — спросил я.

— Как когда, — ответил мне он, — может говорить и на немецком, и на английском, и на китайском... Мы только не понимаем его, а если бы присутствовал в это время иностранец — немец, англичанин, китаец — он бы все понял...

Нечего было и говорить, что истерическое бормотание ни в какой степени не походило на какой-либо из перечисленных моим собеседником языков. Такие «чудеса», кстати, бывают не только в результате экстаза, но нередко используются для преднамеренного обмана, для усиления религиозности.

Помню, как на публичную лекцию, которую я читал в марте 1957 года в Херсоне, пришел активный сектант, пятидесятник Иван Боженко, с целью «посрамить безбожников».

После лекции он задал вопрос о «чуде» говорения на иностранном языке и, не дожидаясь ответа, заговорил... Видя, что он не унимается, я резко и громко сказал:

— Хватит! — и жестом: — Садитесь!

«Чудотворец» с военной пунктуальностью выполнил приказ. «Чудо» прекратилось.

Среди присутствующих было много учителей, прекрасно владеющих немецким, французским, английским языками.

Сектант пытался подражать немецкому языку (других языков он никогда не слышал). Но во всей его двухминутной «речи» повторялись только два немецких слова: *Väter* (фатер — отец) и *Wasser* (васер — вода), остальное — была сплошная чушь. Кто-то спросил у Боженко, на каком языке он говорил.

— Я не знаю, — вскочил пятидесятник. — Это не я, а всемогущий дух божий говорил во мне.

— Что-то дух этот очень жиденький и трусливый, — заметил под общий смех аудитории один из присутствующих, — уж больно скоро он из вас вскочил...

Религиозная практика, опутывая, словно спрут, каждый шаг моей жизни в семинарии, была главной причиной усиления моей религиозности. Она содействова-

ла тому, что я начал принимать нелепую мишуру, окружавшую меня, за необходимость, за проявление истинной жизни.

«Предрассудки, — писал Герцен, — великая цепь, удерживающая человека в определенном, ограниченном кружке окостенелых понятий; ухо к ним привыкло, глаз присмотрелся, и нелепость, пользуясь правами давности, становится общепринятой истиной».

Я тщательно взялся за изучение религии и за два года закончил четырехклассную семинарию. Я глотал религиозную литературу, не успевая ее переварить — осмыслить, оценить рассудком. Такой некритический (за неимением времени и отсутствием солидной атеистической подготовки) подход к религии послужил еще одним обстоятельством, которое привело к развитию моей религиозности. Свидетельством тому мой дневник за 1946 год. Он весь испещрен строками религиозного покаяния и самобичевания.

27 сентября 1946 года я писал: «Как только согрешишь перед Богом, сейчас же кайся... Бог наш — высочайшее существо. Молись Ему из-за любви, молись из-за страха, в противном случае после смерти будешь низвержен в такое место, о котором даже страшно помыслить, а не то что побывать там. Если не приходит к тебе молитва, постарайся более наглядно представить себе ад: вот ты в парной бане, где пар постепенно сгущается. Дышать нечем. Кружится голова, тошнит, тянет на рвоту... Из бани ты уйдешь, можешь спуститься ниже, а в аду страдания будут усиливаться вечно, и тебе станет в миллионы раз хуже...»

Так религиозный дурман убивает все здоровое в человеке, делает из него хлюпика, который сам себя до того застрашал, что превратился в безвольного раба «всевышнего».

Религиозный опиум на время совсем опьянил меня. Вскоре я не только верил, я жил религией: с усердием бил сотни поклонов, постился, простаивал не шелохнувшись по два дневных богослужения (свещи пяти часов!). И все это считал благочестивым подвигом, видел в этом полноту и смысл личной жизни человека. От «подвигов» в глазах кружились темные с краснова-

тым оттенком пятна, ноги набрякали, в спине будто торчал кол...

Мои духовные воспитатели поощряли мою «ревность по бозе» и с восхищением пророчили мне «ангельский чин и житие» — монашество.

Религиозная экзальтация продолжалась около двух лет.

РЕЛИГИЯ ПЕРЕД КРИТИКОЙ ЗДРАВОВОГО РАЗУМА

После окончания семинарии в 1947 году меня послали учиться в Московскую духовную академию.

Более глубоко, без излишней поспешности изучение основ религии позволяло не только усваивать основные положения религии, но и внимательно продумывать читаемое. Я познакомился с критической литературой. Насколько религиозный угар захватил меня, свидетельствует тот факт, что сперва такие произведения, как «Гавриилиада» и эпиграммы Пушкина, «Господа Головлевы» Салтыкова-Щедрина, «Галерея святых» Гольбаха, прямо-таки оскорбляли меня.

С целью опровергнуть антирелигиозные положения — и только — я начал читать современные научно-атеистические брошюры, посещать публичные лекции с намерением, как выражались семинаристы, «посадить лектора-безбожника в калашу». Многие брошюры и выступления лекторов не трудно было опровергнуть. Это свидетельствует о том, что наша атеистическая пропаганда ведется еще без должной убедительности. И все-таки знакомство с ней толкнуло меня на путь сопоставления религии и здравого смысла. Я начал искать оправдания религии разумом и наукой. Запоем я читал самые солидные научные антирелигиозные сочинения.

То опровергая, то уступая, я теперь вел спор с Артуром Древром, Фейербахом, Виппером, Фридрихом Энгельсом, Луначарским, когда читал их сочинения. Постепенно я начал осознавать слабые места в религии и отсутствие во многих догматах обыкновенного здравого смысла. Ум мой трезвел...

У меня возникали тысячи «почему?», «отчего?». А окружающая религиозная жизнь, на которую я теперь смотрел несколько просветленным взглядом, углубляла мои сомнения. На уроках священного писания в духовной академии нам толковали «Апокалипсис» или «Откровение Иоанна Богослова». По внушению церковников, эта книга предсказывает судьбы будущего, вплоть до «конца мира», «страшного суда». Мы разбирали вопрос об антихристе, который якобы явится перед самым «страшным судом». В «Апокалипсисе» описываются признаки этого антихриста и даже указывается его имя под шифром числа 666*.

Как раз в это время я читал статьи Энгельса «К истории раннего христианства» и «Книгу откровения». В них ясно и убедительно доказано, что под антихристом писавший «Апокалипсис» подразумевает римского императора Нерона. А Нерон умер в 68 году нашей эры. Узнал я у Энгельса и то, что «Откровение Иоанна Богослова» было написано после смерти Нерона, как и после других «предсказываемых» событий. Следовательно, «предсказания» Иоанна Богослова обращены не в будущее, а в прошлое. А таким предсказаниям грош цена.

Законспектировав соответствующие места из сочинений Энгельса, я на полях своего конспекта написал: «Здорово доказывает. Надо опровергнуть! Перечитаю всю нашу литературу** по этому вопросу!»

Через полтора года здесь же я сделал приписку красным карандашом: «Энгельс, кажется, прав. Кроме преднамеренного, туманного и невразумительного, в нашей литературе и у святых отцов ничего нет».

В душу мою закрадывались сомнения, я все глубже осознавал, что все в религии враждебно здравому смыслу. Церковникам нужен ум под наркозом! Не случайно христианская религия словами библии желчно изрекает: «Мудрость мира сего есть безумие перед богом», «Погублю мудрость мудрецов и разум разум-

* Апокалипсис, глава XIII.

** религиозную (авт.).

ных отвергну». Иудейская религия поучает: «Сокровенного не ищи, тайного не исследуй» (талмуд).

В таком же воинственном против разума духе выступают церковники и в настоящее время. «Сила разума не доходит до истин божьих»*, — говорят они. Как высохшее дерево боится огня, так религия боится логики, доказательств. «Всякий, ищущий доказательства церковной истины, тем самым показывает свое сомнение, исключает себя из церкви»**

Здравый смысл мешает религии вбивать в головы людей ложное учение. Вот почему религия и восстает против здравомыслия. Один из так называемых отцов церкви — авторитетов христианской идеологии — Григорий Богослов пишет другому отцу церкви, блаженному Иерониму: «Надо побольше небылиц, чтобы... производить впечатление на толпу. Чем меньше толпа понимает, тем больше она восхищается».

Чтобы как-то скрасить подобные «изречения» своих предшественников, современные церковники твердят о «благочестивом обмане», то есть сознательном обмане, ради укрепления веры в бога. Много таких «благочестивых обманов» распространяется и теперь там, где верующие не разбираются в законах природы и общества.

Проповедь религиозного учения, по утверждению священнослужителей, должна приниматься на веру. Пусть верующий ходит в церковь, на веру принимает все то, что он слышит; пусть верит во все то, что ему говорят в церкви. Именно поэтому многие религии запрещают верующим изучать священные книги. Католическая церковь, например, запрещает верующим читать Библию на родном языке. Они должны читать ее на латинском языке, а за переводом и разъяснениями обращаться к пастырю. У христиан и теперь еще бытует поверие: «Кто Библию прочтет, тот с ума сойдет». Так церковники пытаются запугать верующих. Если религиозный человек Библию не читает, «святого письма» не знает, то, ссылаясь на Библию, его можно «убеждать» в чем угодно.

* «Журнал Московской патриархии», 1955 г., № 1, стр. 38.

** «Журнал Московской патриархии», 1955 г., № 7, стр. 50.

Ведь до сих пор ходят слухи о том, что в Библии, дескать, сказано: придет время, когда вся земля будет опутана железной паутиной, в воздухе будут летать железные птицы, огненные колесницы бегать по земле. «Понятно, — думает иной верующий, — здесь Библия говорит о телефонах, телеграфах, самолетах, поездах...» Но на самом деле в Библии нет даже отдаленного намека на великие достижения современной науки и техники.

Здорового ума религия не выносит, ибо он прежде всего вскрывает нелепости религиозного учения.

Таинственно указывая на разум, религия шепотом говорит:

— Все из чего-то возникает. Безбожники утверждают, что все — из материи. А откуда же сама материя? Не может же быть так, чтобы существующее никем не было создано. Кто же тогда создал материю?

И отвечает: ее создал бог.

— Необходима логическая последовательность! — требует разум. — Если все создано кем-то, то кто же создал бога? Почему религия отрицает вечность и несотворимость несомненно существующей материи и приписывает вечность и несотворимость якобы «существующему» богу?

— Человек многого не знает, — продолжает религия. — Почему мир устроен так, а не иначе? Когда возникла жизнь? Где обитал первый человек? Что будет после нас?.. Все это объяснить легко, если признать, что существует бог. Он и является виновником всего...

— Нельзя, — опровергает разум, — незнание выдавать за знание. Нельзя из незнания частей познаваемого мира выводить заранее и преднамеренно вовсе непознаваемого бога и выдавать его за существующего виновника всего происходящего. Правда, ленивым умам очень легко на все вопросы о причинах происходящего давать ответы: «Так хочет, или так допускает, или так создал бог...» С точки зрения религии, эти ответы могут быть даны на любые, пусть самые замысловатые вопросы...

Но легкий ответ-это не ответ, содержащий исти-

ну. Детям, например, на бесчисленные «почему?» дают поверхностные объяснения. Но вспомните, всегда ли такие объяснения отражают объективную действительность?

Далее. Разве может здравый разум пройти мимо такого явления? Религий очень много. Одна христианская религия имеет множество направлений, приобрела многочисленные формы! А ведь, кроме христианской, есть еще сотни других: магометанская, буддийская, индийская, шаманская и так далее. Каждый искренне верующий человек убежден, что только его религия обеспечивает людям несомненное спасение, содержит истинное учение, необходимое для руководства в жизни. Жрец любой религии утверждает, что только его религия — правомерна, что только его религия в состоянии указать человеку путь к спасению; все остальные религии основаны на лживом учении. Войдите в положение верующего: он кровно заинтересован в выборе «истинной» религии, он же хочет «спастись» от загробного ада. Но каждая из существующих религий в доказательство своей истинности, божественного происхождения приводит не меньше доказательств, чем любая другая религия.

Истина может быть только одна. Двух взаимоисключающих друг друга истин не бывает. Только ложь многоязыка. Тот факт, что религии исключают друг друга, убедительно говорит о том, что религия в своем существе как учение построена на ложных представлениях и понятиях.

А сколько небылиц в библии! Разве может здравый смысл, не издеваясь над самим собой, считать за правду побасенки библии. Так, в книге «Бытие» библия старается убедить верующего, что некий царь был поражен красотой Сарры и хотел сожительствовать с ней*. Можно было бы и поверить такому рассказу, если бы раньше в той же библии не говорилось, что Сарре уже 90 лет?!

Евангелии пытаются доказать, что существовал когда-то Иисус Христос. Но сами церковники на осно-

* «Бытие», гл. 20.

вании евангельских рассказов не могут составить более или менее цельную, без противоречий, биографию Христа.

Попробуем на основании евангелий ответить на вопрос: что было с Иисусом после его появления на свет в Вифлееме?

В евангелии от Матфея рассказывается, что иудейский царь Ирод, узнав о рождении Христа, дал приказ «избить всех младенцев в Вифлееме». Иисус, говорится далее, после рождения должен был спастись от угрозы быть убитым бегством в Египет, и только после смерти царя Ирода его родители и он вернулись в город Назарет, обходя десятой дорогой Иерусалим.

Во время рождественских праздников церковники особенно охотно распространяют легенду об «избиении младенцев», которых будто бы было убито 14 000. А в Вифлееме в это время было не более 2 000 жителей?! Так повествует евангелие от Матфея о приключениях Христа в ранние годы его жизни.

А вот как рассказывает о младенчестве Иисуса евангелие от Луки. Согласно этому евангелию, никакого гонения на Христа не было, не произошло и избиения младенцев. Иисус якобы преспокойно жил в Вифлееме, ибо его мать исполняла все по закону Моисееву*: сорок дней после родов не выходила за пределы дома. Более того, Лука утверждает, что на сороковой день жизни Христа принесли в Иерусалимский храм, где его встречали и прославляли многие почтенные люди. А Иерусалимский храм ведь был рядом с палатами иудейского царя, который, как повествует Матфей, искал случая убить Иисуса. Из Иерусалима, продолжает Лука, семья Христа отправилась прямо в Назарет.

Кстати, в честь изложенного Лукой «события» церковники даже установили специальный праздник — Сретения, то есть встречи Христа. Священнослужители, очевидно, считают, что через сорок дней после праздника Рождества верующим и в голову не придет простая догадка: если было Сретение, то не было из-

* Евангелие от Луки, глава 2, стих 22, 39.

биения младенцев, а если было избиеие младенцев, то никак не могло быть Сретения.

Мог ли я, изучая церковные книги, не обратить внимания на то, что евангелист Марк, желая быть точным, пишет, что к 3 часам дня Христа уже распяли*. А евангелист Иоанн утверждает, что даже в 6 часов вечера все еще продолжался спор, распинать Христа или отпустить его**.

Еще во время пребывания в Одесской духовной семинарии я натолкнулся на такое: в главе 9 книги «Деяния святых апостолов» пишется о чудесном явлении Христа апостолу Павлу. Начитавшись библии, человек ничего поразительного в этом «чуде» не видит.

«Чудо как чудо», — думал я.

Но настоящим «чудом» для меня был рассказ в этой же 9-й главе о том, как шедшие с Павлом слышали голос, но никого не видели***, и повествование в 22-й главе о том, как сам апостол Павел повторяет, что шедшие с ним видели чудо, но голоса не слышали****.

О своих сомнениях я сказал духовному отцу В. Он сначала сам недоумевал, а затем пришел к выводу, что в моей библии, очевидно, опечатка. Но никакой опечатки, конечно, в моей библии не было. Так говорится абсолютно во всех библиях.

В библии есть много таких мест, о которых сами церковники предпочитают умалчивать. Благодаря достижениям науки, всегда развивавшейся в борьбе с религией, сейчас сам папа римский публично отрекается от таких библейских сказок, как сотворение мира за 6 дней, не верит в то, что когда-то по молитве Иисуса Навина остановилось солнце почти на день, и т. п.

— А как же, — спросит читатель, — сами проповедники христианства относятся к таким противоречиям в библии? Неужели они не замечают их?

* Евангелие от Марка, глава 15, стих 25.

** Евангелие от Иоанна, глава 19, стих 14.

*** «Деяния святых апостолов», глава 9, стих 7.

**** Там же, глава 22, стих 9.

Да, видят. Прекрасно знают о них. Эти противоречия заставили меня сомневаться, критически подойти к библии. Церковников же эти противоречия заставляют изворачиваться для того, чтобы «согласовать» одно место библии с другим.

Как-то я разговаривал с одним из пресвитеров баптистов по поводу противоречий библии.

— Вот смотрите, — обратился я к нему, — евангелист Матфей говорит, что хорошо известные христианам заповеди блаженств («блаженны нищие духом, ибо их есть Царство Небесное» и т. д.) произнесены Христом на горе*. Отсюда заповеди называются Нагорной проповедью. В евангелии от Луки также приводятся эти заповеди. Но Лука утверждает, что Христос произносил их не на горе, а на ровном месте**. Где же правда? Кто отступает от истины: Лука или Матфей?

Сначала пресвитер не мог ответить на поставленный вопрос. Он только голословно утверждал:

— Здесь все правильно, все верно...

А через два дня он разыскал меня и возбужденно начал доказывать:

— У Луки и Матфея нет никаких противоречий. Просто Христос два раза произносил свою проповедь: раз на горе, а другой раз — на ровном месте...

Бывший ректор Саратовской духовной семинарии И. С. нашел новый вариант, оправдывавший евангелистов: Христос вышел на гору, как говорит Матфей, нашел там ровное место, как утверждает Лука, и произнес проповедь...

Я все чаще находил удивительные нелепости в Библии. В евангелии святого Луки, например, утверждает, что Христос родился во время правления Квирина — в 6 году нашей эры, а по евангелию святого Матфея он родился при иудейском царе Ироде, умершем в 4 году до нашей эры. Какой из евангелистов говорит неправду?

В другом месте Лука рассказывает, что Христос

* Евангелие от Матфея, глава 5, стих 1.

** Евангелие от Луки, глава 6, стих 17.

как-то выгнал из *одного* человека легион чертей. Изгнанные черти вселились в двухтысячное стадо свиней, и свиньи бросились в море. А Матфей, слово в слово повторяя эту легенду, подчеркивает то, что Христос изгонял чертей уже из *двух человек*.

В защиту религиозного вздора, в том числе и мифа о Христе, потрачено немало энергии, написаны горы книг. «Из-за мифа об Иисусе, — писал великий немецкий поэт Гёте, — мир может пребывать в застое еще десять тысяч лет, и никто не будет мыслить как следует, ибо столько энергии, столько знаний, столько ума и остроумия приходится тратить на защиту этого мифа».

Некоторые церковники в связи с опубликованием в «Комсомольской правде» моей статьи «Как я стал атеистом» в своих письмах ко мне доказывают, что книги библии писались очень давно, что книги эти отражают взгляды людей того времени. При их многократном переписывании могли вкрасться неточности, ошибки. Отсюда, заключают мои корреспонденты, и неизбежны некоторые нелепости и противоречия в библии.

Это утверждение оспаривать никто не будет. Оно правильно. Но верно и другое — библия такая же книга, как и многие другие. Так давайте же к библии относиться так, как мы относимся к обыкновенным книгам, которые содержат рассказы о мифах, вроде мифов древней Греции и древнего Рима, мифов персидской религии в книге «Зенд-Авесты», сказаний древних славян о боге Перуне, Даждь-боге, Валесе... Но нет, такое отношение к библии никак не устраивает церковников.

Несколько лет назад ученые нашли древние (II—III века) списки евангелий и опубликовали их. Публикации убедительно доказывали, что рассказы первоначальных евангелий отличаются от современных и очень близко стоят к мифам других религий. Конечно, это научное открытие пришлось апологетам христианства не по вкусу. Ведь, по их учению, библия, евангелие написаны по наитию, идущему от самого бога, и, само собой разумеется, в этих книгах должно таиться ис-

тинное учение, оно не может изменяться, оно носит печать вечной, незыблемой истины.

Таковы были те вопросы, мимо которых я не мог пройти, изучая религию, ее идеологию.

НА РАСПУТЬЕ

Мои сомнения, вызванные страстным желанием найти правду, истинный смысл жизни, были весьма мучительны. Правилен ли путь, указанный религией и церковью? Почему церковь отводит человеческому разуму такое ничтожное место в жизни? Почему я должен беспредельно верить в учение церкви, хотя в нем нет здравого смысла? Все эти вопросы были для меня не схоластическими, а вопросами жизни — они вызывали страдание.

Знаю, что священнослужители и все служители церкви обвинят меня в богохульстве, припишут мне злую волю, направляемую «темными силами» во вред религии. Но я ведь хотел, страстно стремился быть верующим. Мне было мучительно носить груз сомнений. Я лихорадочно искал выхода. Я хотел найти хоть малейшую дозу доказательств существования божьей силы, оправдания божьего промысла.

В поисках бога я познакомился тайно от своего духовного начальства с сектантскими религиозными общинами: баптистами, пятидесятниками, адвентистами... Но везде я находил то же, что и в православной религии — вероучения, содержавшие противоречия с выводами науки. Среди православных, как и среди сектантов, я встречал искренне верующих людей. Они были настоящими находками для моей мятущейся души. В беседах со «святым аскетом-схимником» Савватием в Одессе, с фанатично верующей, начитанной и грамотной Клавой Р. из Загорска, с сектантскими святошами я чистосердечно излагал все свои сомнения. Перед ними я плакал, рвал на себе волосы, молился, просил у них помощи и советов. Я стремился выполнять все их «наставления», пытался верить их «разъяснениям»...

Совсем недавно в Одессе член общества по распространению политических и научных знаний Стратонов читал публичную лекцию на тему «Жил ли Христос?». На лекции было много верующих. А через несколько дней Стратонов получил письмо от молодого баптиста. Лектор ответил. Между ними завязалась переписка. Стратонов указал сектанту на вопиющие противоречия в евангелии. И получил такой ответ: «Да, названные вами места в евангелии действительно противоречивы. Я не могу их сейчас объяснить. Но я буду молиться Иисусу Христу, чтобы он помог мне уяснить таинственный смысл их. Молитесь и вы. Может быть, вам явится сам бог и разъяснит все. Без молитвы вы будете заблуждаться, ибо ум человека ограничен, ничтожен. Он даже не может без помощи бога объяснить противоречия в библии».

Подобные наставления получал и я. Но удовлетворить и успокоить меня они не могли. Я метался в поисках выхода, молился об устранении противоречий между религией и действительностью. Я был готов обратиться за помощью не только к богу, но к темной силе в лице самого черта. «Если существует черт, то должен быть и бог», — думал я. И знакомился со знахарками, гадалками, проникал на спиритические сеансы.

Гадалки вызывали у меня чувство юмора. Ведь я мог без помощи всяких чертей гадать так же, как и они. Спиритические сеансы меня просто возмутили. Вертящиеся блюдца, стучащие ножки столов, пишущие карандаши — все это было грубым надувательством.

О том, как дух сам пишет карандашом, рассказал мне семинарист Сережа З. В удобный момент я взял карандаш и, держа под углом в 45 градусов, направил его острие на чистую бумагу и стал терпеливо ожидать явления духа. Сидел более часа — дух не появлялся. Наконец мне надоело, и... карандаш забегал.

— Так-так! — постарался обрадовать меня Сережа. — Это дух водит карандашом.

После нескольких кривых и дрожащих линий из-

под карандаша появилось: «Сережа! Прости мне, но ты — дурак!»

Конечно, никакого духа здесь не было. Писал я сам. Даже Сережа понял это и никогда больше не заикался о «пишущем духе».

Разум требовал своего. Ежедневно до глубокой ночи я читал теперь любые философские сочинения. Владимир Соловьев и Ницше, Флоренский и Чернышевский, Радищев и Фома Аквинский, Плеханов и Гегель, Ладыженский со своей философией индийских йогов и Кант... Соученики подсмеивались над моим богопротивным делом. А один даже подарил мне старую объемистую философскую книгу с иронической надписью: «Будущему философу Евграфу Дулуману».

Я ходил угрюмый, ни с кем не разговаривал. Учащиеся духовной академии прозвали меня «мрачным философом».

Я боролся со своими сомнениями, относил их за счет «козней сатаны». Гнал их прочь. Но сомнения с каждым днем все больше и больше мной овладевали.

Приведу такой пример. Во многих христианских религиях во время молитвы принято просить благословения, испрашивать благодати божьей у отсутствующего в данную минуту вышестоящего церковника. Однажды после того, как учащиеся Московской духовной академии и семинарии пропели «Владыко благослови!», выступил надзиратель Николай Степанович и говорит:

— Вот сейчас мы испросили благословения у нашего любимого владыки * А. Мне известно, что он сейчас едет к нам. Его благословение из машины уже пришло и исходит на всех нас. А скоро и он сам будет здесь...

Эти слова меня едва не взбесили. Как-то я видел владыку А. в домашней обстановке. Могло случиться, что семинаристы испрашивали у владыки заочно благословения, а владыка в данную минуту, подчиняясь

* «Владыка» — термин, употребляемый в церковной среде при обращении к церковнику архиерейского сана (епископу, архиепископу, митрополиту и т. д.).

законам природы, отправлял естественные надобности...

Вот что я записал в дневнике 8 ноября 1948 года после случившегося на молитве: «Что со мной делается? В душу мою закралось смятение, граничащее с ослаблением веры в святость священнослужителя. Я начинаю их презирать. Когда поют многолетие владыке, я умышленно молчу».

Не раз окружающая религиозная обстановка устраняла мои сомнения, успокаивала меня, возвращала мне прежнюю веру...

Религия толкует, что в человека может вселиться дьявол, который временами полностью управляет телом человека. Таких людей называют бесноватыми. Выгнать беса можно только «святыми» приемами: причащением, целованием мощей, молитвой праведника. Но бес, владея телом, старается не допустить человека к этим святыням.

Далее привожу запись из своего дневника, сделанную 14 ноября 1948 года. «Вселение дьявола... К этому учению церкви я относился равнодушно. Даже — прости меня, Господи! — считал шарлатанством. Но сегодня я убедился в истинности нашей святой религии.

В наш храм сегодня пришла бесноватая. Мне показали ее: скромная, тихая и тщедушная женщина неопределенных лет. Во время святого причастия она вдруг закричала грубым мужским голосом:

— У-ой! Не надо!.. Я выйду из нее!.. у-у-ой!

К бесноватой подскочили двое дюжих мужчин, с трудом пытаясь удержать ее. Женщина билась в их руках. Успокоившись, она слабым, тихим и тонким голосом сказала:

— Нет-нет. Я хочу причастия. Это бес во мне кричит...

И снова крик мужским голосом. Ее насильно причастили, и она утихла. У меня волосы встали дыбом.

— Так это же все истинная правда, — шептал я, — наверное, и в мою душу вселился дьявол, это он приносит мне сомнения... Нужно молиться, молиться. Грешен я, очень грешен».

Случай с «бесноватой» вернул мне религиозную веру. Однако, как выяснилось позже, все это было очередным «благочестивым» обманом.

Через три недели я снова увидел в нашем храме мою «знакомую». Вскоре я заметил и двух верзил. И я решил проверить «бесноватую». Приняв начальнический вид, я приблизился к ней и тихо, но строго сказал:

— Если и сегодня будет кричать бес, я вызову скорую помощь и отправлю вас в сумасшедший дом...

Ответ был довольно неожиданным для меня:

— Антихрист! А еще семинарист! Ведь я кричу во славу божью...

И во время причастия бес молчал, испугавшись, по-видимому, скорой помощи... Так по кускам восстанавливалась и тут же рушилась моя вера в бога.

Некоторые из моих корреспондентов после опубликования в «Комсомольской правде» статьи «Как я стал атеистом» в своих письмах задают мне вопросы: почему я в поисках оправдания религии не обратил внимания на такие несомненные чудеса, как сохранение мощей, мироточивые головы, долго сохраняющуюся освященную воду и так далее?

В небольшой газетной статье трудно было рассказать обо всем, что я видел и что пережил. Но сейчас, когда пишу эту брошюру, я имею такую возможность и постараюсь подробнее остановиться на этих вопросах.

Конечно, я обращал внимание на эти несомненные «чудеса» и проверял их. А то, что этими «чудесами» обманывают наивных верующих, не отрицают даже сами церковники. Приведу довольно показательный исторический факт церковного чудотворения.

Для того чтобы возбудить верующих против Петра I, который переливал колокола на пушки и дочиста очищал церковные кассы, духовенство того времени сотворило в Санкт-Петербургском соборе чудо: с глаз иконы божьей матери начали течь слезы. «Богородица плачет, потому что воцарился антихрист», — так объясняли церковники верующим смысл чуда. Петр во

время богослужения неожиданно явился в собор, содрал с иконы железное облачение и нашел под ним пузырек с лампадным маслом. Оно и было причиной «слез» богородицы. После этого Петр I написал настоятелю собора такое предостережение: «Владыко, приказываю, чтобы отныне богородицы не плакали. Если богородицы еще заплачут лампадным маслом, то з... попов заплачут кровью. Петр».

До конца жизни Петра I в Санкт-Петербурге не было ни одного чуда.

По поводу этого разоблаченного Петром I чуда народное остроумие создало и сохранило до наших дней такую легенду. После разоблачения Петр разослал монаха, придумавшего это чудо, и жестоко избил его. А несколько позже на царя была подана жалоба от монаха-«чудотворца», в которой говорилось о том, что Петр «бияше мя по ланитам седалища, дондеже* изыдет из мя зловонная грязь».

Напомню еще один случай. В Киево-Печерской лавре были мироточивые головы разных святых. По утверждению монахов лавры головы творили миро** из ничего. Мирю на глазах верующих медленно стекало в особый сосуд и продавалось за баснословные деньги. И что же? Еще более ста лет назад выяснилось, что чудо с мироточивыми головами — дело рук монахов лавры. Регулярно, каждую неделю монахи поддерживали это «чудо», подливая в мироточивые головы масло.

Несмотря на, казалось бы, очевидное шарлатанство, мироточивыми черепами дурили головы людей вплоть до Октябрьской революции. Да и сейчас еще кое-где сохраняются мощи, обновляются иконы, иногда «сами собой» загораются свечи. Особенно прочно среди верующих бытует поверье, что освященная духовенством вода никогда не портится, в то время как обычная (неосвященная) портится. Утверждают, что «святая» вода может храниться пятнадцать и более лет. Я тоже верил в это чудо...

* Дондеже — до тех пор пока не.

** Мирю — особое церковное масло.

Но вот что однажды произошло. Моя мать нерелигиозная, но она все же держала в доме бутылку со «святой» водой. В сентябре 1950 года я был дома на каникулах. Как-то тайком мы с братом Вилей вылили эту святую воду, высушили бутылку, чтобы там не осталось и капли «святости», и налили туда сбикновеной воды из колодца. Приехав домой следующий раз, я увидел, что обычная вода сохранилась не хуже освященной.

Много позже, в 1955 году, когда я уже учился в Одесском кредитно-экономическом институте, после сдачи очередных экзаменов я заехал на несколько дней в родное село. Однажды у меня зашел разговор с нашей соседкой Бевзюк о «святой» воде. Я рассказал ей о моей и Вилиной проделке и показал бутылку с водой.

— Только воды вот в бутылке почему-то стало меньше, — признался я. — Надо спросить маму.

Позвали в комнату маму. Она сразу объяснила:

— Вот ты теперь читаешь лекции против бога. Я сама не верую в него, но произошло чудо. У Миши (моего двоюродного брата. — Е. Д.) заболел ребенок. Пять ночей он не спал и другим не давал спать. Бабушка велела окропить его святой водой. Я дала им воды — вот почему ее стало меньше, — мальчика окропили, и болезнь как рукой сняло...

Наша соседка от смеха сползла со скамейки на пол. Я рассказал маме, что за вода была в бутылке. Мама тут же вылила ее. С тех пор в нашем доме нет больше «святой» воды.

Выздоровление ребенка, конечно, не чудо, а совпадение. Должна же была в конце концов болезнь или усилиться, или пойти на спад. В течение пяти дней организм ребенка боролся с болезнью и, наконец, вышел победителем. Именно в это время мальчика окропили «святой» водой. А если бы родители обратились к врачу в первый же день заболевания, «чудо» исцеления их сына наступило бы гораздо раньше.

В сохранении же питьевой воды нет ничего чудесного. Чистая вода — трудно портящийся продукт. В ней очень мало пищи для бактерий. А продукт пор-

тится прежде всего оттого, что в нем начинают размножаться бактерии. Если же в чистую воду и попадают бактерии, то они скоро поедают остатки пищи и погибают.

Изучая в духовной академии истории других религий, я узнал, что и в любой другой религии есть не меньше «чудес», чем в христианской.

Особенно тяжело мне было переносить духовный разлад во время церковных праздников и торжеств. Я не находил себе тогда места. Ведь среди окружающих меня было немало искренне верующих людей. Для них такие праздники были днями настоящей радости. Один из моих знакомых, священник К., в это время буквально преображался. Восторг, с которым он восклицал «Христос воскрес!», не знал границ: казалось, священник действительно видит перед собой встающего из мертвых Христа. Но здравый рассудок начал мне подсказывать, что это всего лишь результат самовнушения, признак галлюцинации, начальная ступень сумасшествия. А поинтересовавшись, я узнал, что в медицине даже известно такое психическое заболевание — «мания религиоза».

Она возникает в результате последовательного религиозного воспитания. Ведь не случайно же из современных духовных семинарий в психиатрические больницы отправляется около десяти процентов учащихся. Чем последовательнее и внушительнее поставлена в той или иной религиозной организации работа верующих, тем чаще встречаются случаи, когда они ради «спасения» делают попытки бегать голыми по морозу, вознестись на небо, режут свое тело, воображают из себя святых, пророков, исцелителей, чудотворцев и так далее. Нет нужды приводить здесь известные мне примеры «спасения» души.

Убедившись в том, что я сделал большую ошибку, прибегнув к религии с целью найти истину, я решил оставить духовную академию. Весной 1949 года я подал заявление об уходе и даже купил себе железнодорожный билет домой. Перед выдачей документов меня вызвал к себе ректор и спросил о причине отъезда...

С момента моего разрыва с религией прошло уже пять лет.

В течение этого времени я вел активную атеистическую пропаганду. О своих заблуждениях в прошлом я могу уже говорить спокойно.

Надо честно признаться, что при первой попытке разрыва с церковью я проявил моральную неустойчивость. Мне не хватило тогда смелости объяснить ректору истинную причину ухода из духовной академии — разочарование в религии. Я сослался на мнимую болезнь матери, сказав, что ей крайне необходима моя помощь.

Я был самым молодым студентом на курсе и одним из лучших по успеваемости. Ректор не захотел меня отпустить. Он сказал:

— Документов мы тебе не выдадим, и ты никуда не уедешь, а матери поможем — мы выделим тебе дополнительно к стипендии 300 рублей, которые ты и будешь ей посылать...

Так мой повод ухода из духовной академии оказался недействительным. Выдумывать какой-нибудь новый повод я не посмел, не хватило смелости, мужества.

Причина моей моральной трусости заключалась в том, что я только разочаровался в религии. Религия — это ложь, вот что мне было ясно. А что же правда? Этого я еще не знал.

Я не знал, что буду делать на другой день после ухода из духовной школы. Точил меня и червячок: «А вдруг мои сомнения в религии преходящие?»

Я остался в духовной академии. И снова я пытался заставить себя быть верующим. 6 июня 1949 года я записал в свой дневник: «Да, вопрос об уходе — не легкий... Сменить убеждения — это не в баню сходить и белье сменить. Я ведь не имею твердого мировоззрения. Пусть я буду верующим! Пусть я буду безбожником! Но только, чтобы это было моим твердым убеждением, чтобы не было никаких сомнений и колебаний. Глубокая религиозность — сумасшествие. Пусть и я буду таким сумасшедшим, только бы религиозность

жила во мне, а не существовала на моем языке, во фразах... Я сейчас стою на распутье. Буриданов осел!»*

ЖИЗНЬ — ПУТЕВОДИТЕЛЬ К ИСТИНЕ

Итак, я «выслушал и другую половину». Лишь позже я убедился, насколько вредна, казалось бы, безобидная мысль: выслушать и проверить на опыте противные истине суждения. Ведь правда добывается не одним человеком, она — достояние всего человечества. И каждый отдельный человек на своем опыте не может повторить тысячелетнюю практику и зигзаги исканий человечества. Лучшие результаты, бисеринки мучительных находок сохраняются обществом, являясь его достоянием и преподносятся им каждому новому члену общества для усвоения. Только усвоив результаты этих поисков, человек может идти вперед в своем развитии.

Незачем вторично открывать Америку, изобретать книгопечатание, пытаться проложить тропинку там, где уже проведена столбовая дорога. Повторение исканий приводит к ненужной трате сил. Потратив энергию на самостоятельное искание уже открытого, человек часто уже не имеет сил двигаться дальше.

Мое счастье, что я живу в Советской стране, в нашем социалистическом обществе, которое строит коммунизм, ощутимо, зримо, на деле воплощает истину — вековые и поистине святые чаяния и поиски предшествующих поколений.

Несомненно, что и сейчас есть и еще будут нерешенные вопросы и проблемы. Решив одну задачу, человечество всегда будет ставить перед собой другую.

* Буридан — средневековый философ. Очень много занимался вопросом о том, что побуждает человека к деятельности: внешние причины или свободная, ни от чего не зависящая воля? Позже философами была создана легенда о буридановом осле: возле стоящего осла по обе стороны на равном расстоянии положили одинаковые вязанки сена. Раздумывая над тем, к какой же вязанке сначала повернуть голову, осел подох от голода, так и не решив этого «трудного» вопроса.

И вот в решении действительно еще не решенного мы должны выслушивать разные стороны. Однако, какую бы вы сторону ни выслушивали, истина все равно открывается только тогда, когда она или воплощена в жизнь, или проверена жизнью.

Я теперь могу в полный голос заявить, что истину нашел не в древних писаниях (библии, учении так называемых отцов церкви, религиозных символах и гимнах), не в пустых мудрствованиях, а в нашей прекрасной действительности.

Шире открывайте глаза на нашу прекрасную жизнь, полную творческих дерзаний человека, активнее включайтесь в дело строительства новой жизни. Это спасет вас от любых непредвиденных злоключений в поисках истины!

Наша жизнь — лучший воспитатель в духе атеизма. В результате построения социализма в нашей стране подавляющее большинство советских людей освободилось от религии. Теперь, пожалуй, трудно встретить верующего, который верил бы в бога так убежденно, как большинство людей убежденно отрицают его.

Современный верующий во всем сомневается, колеблется. Шаткость его убеждений прекрасно знают церковники. Профессор Московской духовной академии в своей лекции об облике советских верующих справедливо говорил: «Когда советский верующий заходит в церковь или на молитвенное собрание, то он молится приблизительно так:

— Боже! — если ты есть. Спаси мою душу — если она есть!»

Летом 1955 года я проводил беседу на току села Ново-Павловки Фрунзенского района Одесской области. Пожилая колхозница чистосердечно призналась:

— Я ж на небо не лазила, бога не бачила. Може, бог есть, а може, його й нема...

Вот к чему сводятся убеждения современного верующего. А если верующий ходит в церковь, исполняет религиозные обряды, так в этом частенько сказывается его чисто хозяйское отношение к богу. И молится

он не из-за убеждений, а так — на всякий случай, для «профилактики». «А вдруг бог есть?» — думает такой верующий...

Вот здесь-то и нужны атеистическая воспитательная работа, хорошие, доступные по изложению лекции.

Наша жизнь решительно отбросила большинство религиозных положений. Нельзя же советского человека, разбившего кровавый фашизм, поучать словами Христа: «Ударят тебя по правой щеке, подставь левую», «Терпите!», «Побеждайте зло добром», «Не противьтесь злumu» и т. д.

Евангельские советы в свете современной жизни, науки, достижений техники обнаруживают всю свою несостоятельность. Приведу пример. Студенты четвертого курса Одесского политехнического института узнали, что их однокашник Дердиенко — ревностный баптист. Товарищи пытались помочь ему разобраться в своих убеждениях. Во время беседы ему был задан такой вопрос:

— А что бы ты сделал, если бы на девушку, которую ты любишь, с которой сейчас встречаешься, напали хулиганы и начали издеваться над ней. Вступил бы ты в драку, чтобы защитить ее?

Если бы он ответил положительно, то нарушил бы заповедь Христа, который учил не противиться злу, а если отрицательно, то вызвал бы презрение со стороны студентов. Дердиенко, немного подумав, ответил в евангельском духе:

— Я бы молился, чтобы бог послал милиционера.

Советский строй, наше советское общество добились того, что у нас в стране всеобщее презрение вызывают белоручки, хапуги, лентяи, карьеристы. А ведь сорок лет назад эти гнусные пороки считались добродетелью. Стыдно также сейчас молодому человеку перед самим собой, если он религиозен. Вы не встретите ни одного семинариста, ни одного грамотного сектанта, который бы хвалился перед другими: «Я верую в бога», «Я готовлюсь стать церковником».

Вот почему студенты только на четвертом курсе узнали, что Дердиенко баптист. А работающий сейчас

во Фрунзовке на Одессщине стоматолог Валентин Мицкевич за пять лет пребывания в Киевском медицинском институте так и не решился похвалиться своей религиозностью, состоял даже в комсомоле.

Известно, что и некоторые церковники стыдятся религии. Так, ректор одной из семинарий, выходя в город, одевается под профессора, а при встрече с семинаристами просит называть его не «отец Василий», а «Василий Иванович». По имени и отчеству просит называть себя и священник села Траповка на Одессщине.

О могучем влиянии нашей советской жизни на весь ход истории человечества свидетельствует также и тот факт, что церковники теперь усиленно пытаются подделывать религию под коммунизм.

Архиепископ симферопольский Лука недавно в своей проповеди говорил:

— Мы, то есть церковники, тоже идем к коммунизму. Только идем своей дорогой... В коммунизме встретимся!

Сектантские проповедники в последнее время твердят приблизительно так: «Христос пролетарского происхождения. Он был сыном мелкого ремесленника — плотника Иосифа. А мать его, богородица Мария, была простой домработницей. Христос по своему учению является первым и великим коммунистом, предшественником всех коммунистических партий».

О чем говорят эти факты? Ведь раньше церковники со злобой и шипением относились к коммунистическим идеям.

Эти факты говорят о том, что Коммунистическая партия Советского Союза своими делами завоевала великий и непоколебимый авторитет у народов нашей страны. Все честные труженики, и верующие и неверующие, питают огромную любовь к нашей Коммунистической партии. Подделываясь под коммунизм, церковники думают, что симпатии народа к коммунизму будут переходить и на религию.

Защитники религии, конечно, пытаются доказать, что религия будет существовать вечно. С этой целью они указывают на то, что религия есть во всех странах

мира, что она существует очень давно. Да это так. Религия существует давно. И всегда она служила интересам господствующих классов эксплуататорских обществ.

Что же касается вопроса о религиозной идеологии в нашей стране, то он давно уже решен нашим обществом и решен не в пользу религии. Известно, что религиозные предрассудки стойки. Этим и объясняется, что в советском обществе есть еще верующие. Мы ведем борьбу с религиозными предрассудками путем разъяснения их ложной основы. Мы разоблачаем религию, потому что коммунизм и религия как идеологии несовместимы.

Наша жизнь — лучший агитатор и лучший проводник к истине. Это я испытал на себе, когда настоящему сблизился с жизнью. Это началось в 1948 году.

В то время я познакомился со своим односельчанином, комсомольцем Всеволодом Колесниченко.

Сева был настоящим атеистом, но своих взглядов мне грубо не навязывал. Помню, я однажды дал ему прочесть мои религиозно-философские заметки. Через несколько дней он сказал мне:

— Может быть, можно и так рассуждать... Но ведь можно и по-иному. Действительный материальный мир, — продолжал он, — настолько богат, что может быть беспредельно и неисчерпаемо познаваем. Зачем выдумывать непознаваемого бога, духа, когда ты еще не знаешь до конца познаваемую материю? Нужно экономнее, с большей пользой, направлять работу своего ума и памяти, а не засорять их разной фантастикой, извращенным восприятием окружающего.

Я не мог не видеть, какой полноценной была жизнь комсомолки Лилии Родиной, студентки Загорского техникума игрушки. Я восхищался Севой и Лилей. У своих новых друзей я учился и под их влиянием постепенно преображался. По-видимому, это было заметно и для моих новых друзей. Лилия как-то мне сказала: «Я не представляю тебя молящимся...» — «По правде говоря, и мне в данную минуту это трудно представить», — ответил я.

После окончания духовной академии и присвоения мне звания кандидата богословских наук за сочинение об англиканской церкви я поехал работать преподавателем в Саратовскую семинарию.

Здесь, в семинарии, я последний раз сделал попытку воскресить в себе религию. Я с большим рвением начал свою преподавательскую работу. Условия для этого были более чем достаточны. Я получал 3 900 рублей в месяц, пользовался бесплатным питанием, всеми бытовыми услугами. Комиссия Московской патриархии очень лестно отзывалась о моих лекциях (я преподавал русский язык и христианскую философию: основное и нравственное богословие). Патриарх даже прислал мне свою благодарность.

Однако я очень скоро убедился, что на гнилых идеях может быть построена только гнилая жизнь...

Во время работы в Саратовской семинарии я не прерывал связи со своими настоящими друзьями. Мы переписывались. Всеволод с энтузиазмом сообщал мне о своей работе по электрификации сел Одесской области, об участии в строительстве Савранской ГЭС. Лилия также пересылала свои письма восклидательными знаками — она очень увлечена работой в Красноярске. Появились в Саратове у меня и новые друзья. Скромная служащая Госбанка Галя Бокова не могла спокойно говорить о своей работе, рассказывала о заочной учебе и о самых широких планах на будущее. Я читал по утрам газеты и узнавал о все новых и новых успехах трудящихся нашей Родины, о многих патриотических делах молодежи — моих сверстников, от которых я откололся.

Я оказался на отшибе, в стороне от широкой дороги творческих дел народа. Настоящая жизнь шла мимо меня. Но мои искренние друзья помогли мне почувствовать дыхание жизни и окончательно решить основной вопрос: где истина? Я понял, в чем смысл жизни.

Смысл истинной, непаразитической жизни заключается в труде на благо своего народа. Радостно ощущать, что твой труд, пусть самый скромный, самый маленький, идет на благо людей. Мир прекрасен.

стоят... Они старались использовать то, что некоторые товарищи относились ко мне настороженно, а иногда и враждебно. Я-то понимал этих товарищей! И в самом деле: не должна же была советская молодежь принимать меня с распростертыми объятиями. Ведь под маской раскаявшегося мог скрываться любой авантюрист. Но в порядке «проверки» моей искренности некоторые из товарищей доходили до нелепостей. Так, например, работник райисполкома С. только потому, что я не пью, веду скромный образ жизни, что просиживаю ночами над книгами, делал вывод: «В Дулумане все еще есть остатки религии». А другой товарищ делал учителям упрек в том, что у меня по всем предметам были пятерки.

Я не знал, что за мной тщательно следили те, от кого я ушел. В феврале 1953 года я получил письмо от одного из учащихся Московской духовной академии. Каким-то образом он был осведомлен о подробностях моего «хождения по мукам». Одобряя мой поступок, он писал: «Ты правильно сделал, что ушел отсюда. Я полностью одобряю тебя. Я бы тоже бросил эту средневековую среду, но я не смогу (уж такой я есть, извини!) перенести таких перипетий, каким сейчас подвергнут ты. Ведь на тебя воздействуют с двух сторон: с одной стороны — наши духовные отцы, с другой — те, к кому ты пришел».

С того времени прошло более трех лет. И до сих пор я помню слова моего друга Севы:

— Если человек искренне пришел служить обществу, если слова, которые он открыто говорит людям, являются его глубоким убеждением, его сущностью, — то его не собьет с пути временное недоверие, которое вправе к нему питать общество. Человек рано или поздно добьется своей цели, если она отвечает интересам общества.

Писавший из духовной академии был не прав. Среди тех, к кому я вернулся, у меня появилось много настоящих друзей. В тяжелое для меня время они оказали мне огромную моральную поддержку. И прежде всего это была семья Нижников из Любашевки, учителя Станислава Александровна Адамчик и Василий

Петрович Лемешевский, мои друзья-комсомольцы Сева Колесниченко, Валя Юрченко, Леня Пионтковский, Виктор Киселев и многие другие. Это они подсказали мне, что я должен использовать свои прошлые знания и опыт для борьбы с религиозными предрассудками. По их словам, я наиболее полезен буду обществу именно как пропагандист атеизма.

По окончании десятилетки я поступил в Одесский кредитно-экономический институт. Дружная студенческая семья помогла мне окончательно стать на ноги. Студенты оказали мне огромное доверие, поручив мне ответственную работу в профсоюзе. С поистине отеческим вниманием следил за моими делами, поправлял и помогал мне директор института коммунист Юрий Петрович Лопатин, внешне сухой и строгий человек.

Осенью 1953 года я стал членом комсомола. Несколько позже я начал выступать с антирелигиозными лекциями, стал внештатным лектором обкома ЛКСМУ, а затем членом Общества по распространению политических и научных знаний. В сентябре 1956 года по ходатайству ЦК ЛКСМУ меня перевели на III курс философского факультета Киевского государственного университета имени Т. Г. Шевченко.

ДА ЗДРАВСТВУЕТ ЖИЗНЬ!

Мне часто приходится теперь рассказывать о том сложном пути, который я прошел.

— Какие у тебя хорошие друзья! — обычно после рассказа восклицают слушатели. Об этом же пишут в письмах и мои корреспонденты.

Да, друзья у меня верные, настоящие. Я очень высоко ценю их дружбу. Перефразируя известные слова Максима Горького, я с полным правом говорю:

— Всему тому хорошему, что есть во мне, я обязан друзьям!

Друзья у меня гораздо лучше, чем я мог о них рассказать. Сева сейчас заканчивает Одесский консервный институт; Лиля уже обзавелась семьей; Галя Бокова из скромной служащей превратилась в Гали-

ну Петровнѹ — заместителя главного бухгалтера Аткарского отделения Госбанка; Толя Шпанюк по призыву ЦК ВЛКСМ уехал на целинные земли, женился; Валя Юрченко работает в райкоме партии; Виктор Киселев закончил Одесский кредитно-экономический институт.

Я сейчас, кроме учебы в университете, веду атеистическую пропаганду: читаю лекции, выступаю в прессе, по радио, руковожу кружком лекторов-атеистов.

И я вижу, как вокруг меня ключом бьет жизнь. И я сам ее активный участник. Сердце наполняется радостью, хочется трудиться, дерзать!

Свой рассказ я не случайно заканчиваю словами Николая Островского: «Самое дорогое у человека — это жизнь. Она дается ему один раз, и прожить ее надо так, чтобы не было мучительно больно за бесцельно прожитые годы, чтобы не жег позор за подленькое и мелочное прошлое и чтобы, умирая, смог сказать: вся жизнь и все силы были отданы самому прекрасному в мире — борьбе за освобождение человечества».

Бороться за освобождение человека можно, работая в разных областях деятельности. Сознание того, что в области освобождения человека от религиозного дурмана я приношу известную пользу, доставляет мне большое моральное удовлетворение. Я не лишний, я полезен, я вместе со всеми борюсь за новую жизнь. Что может быть лучше этого!

Вот в чем великий смысл жизни! Да здравствует жизнь!

СОДЕРЖАНИЕ

Лекции в колхозе	3
До шестнадцати лет	6
«Audiatur et altera pars» («Выслушать и другую половину»)	8
Я был глубоко религиозным	12
Религия перед критикой здравого разума	16
На распутье	25
Жизнь — путеводитель к истине	34
После разрыва с религией	41
Да здравствует жизнь!	43

ДОРОГИЕ ЧИТАТЕЛИ!

Присылайте ваши отзывы о содержании, художественном оформлении и полиграфическом исполнении книги, а также пожелания автору и издательству.

Пишите по адресу: Москва, А-55, Сущевская, 21, издательство ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия», массовый отдел.

Дулуман Евграф Каленьевич
**ПОЧЕМУ Я ПЕРЕСТАЛ ВЕРИТЬ
В БОГА**

Редактор *Ю. Мартынов*
Художник *Г. Вильфорт*
Худож. редактор *Н. Коробейников*
Техн. редактор *Л. Волкова*

*

А09136 Подп. к печ. 14/Х 1957 г. Бум.
84×108¹/₃₂=0,75 бум. л.=2,46 печ. л.
2,1уч.-изд. л. Тираж 100 000 экз.
Цена 65 коп. Заказ 1627

*

Типография «Красное знамя»
изд-ва «Молодая гвардия»
Москва, А-55, Сущевская, 21.